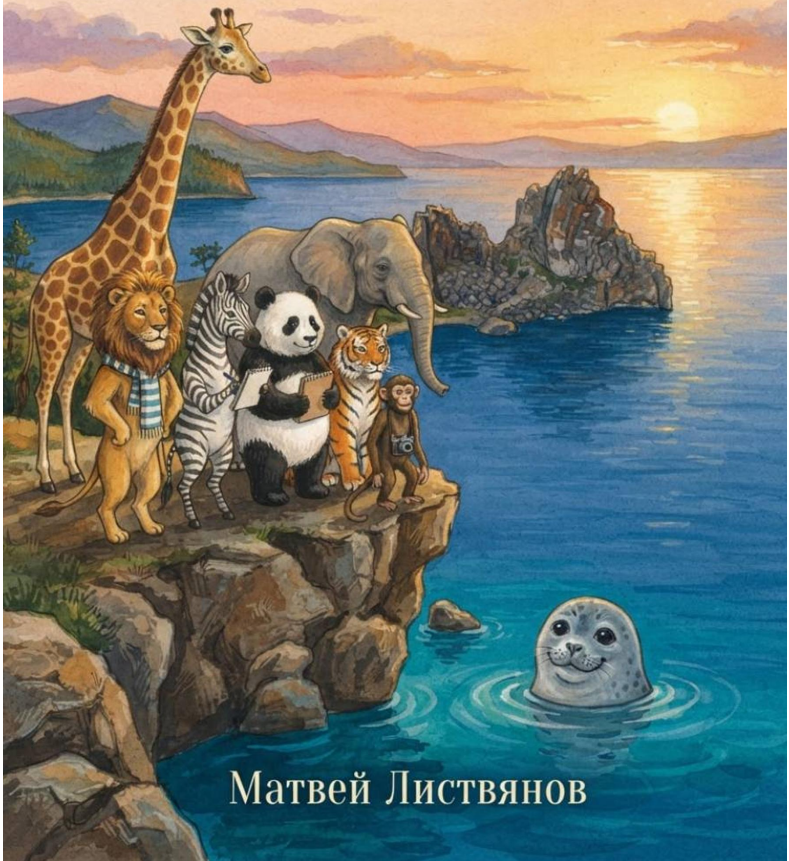
БАЙКАЛ

Книга первая: Жемчужина Сибири



Матвей Листвянов

Матвей Листвянов

Байкал. Книга первая: Жемчужина Сибири

https://litres.ru/75033937
SelfPub; 2026

Аннотация

Семеро ребят впервые приезжают на берег Байкала — самого глубокого и
древнего озера планеты — и знакомятся с его настоящими хозяевами: любопытной
нерпой, важным орланом, вечно голодным бурундуком и ещё четырьмя лесными и
озёрными соседями. Каждое недоразумение лета оборачивается не ссорой, а
поводом узнать друг друга лучше — и детей, и зверей. Книга написана с теплом и
юмором, но без выдуманных злодеев: настоящие чудеса Байкала — эндемичные
виды, невероятная чистота воды, тысячи километров дикого берега — говорят сами
за себя. Для детей 5–15 лет и их родителей — о дружбе, любопытстве и бережном
взгляде на мир.

Содержание

Содержание 5
Пролог. Семеро в небе 6
Глава 1. Тот, кто ждал с фанеркой 14
Глава 2. Вот оно 21
Глава 3. Вода, которой нет нигде 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Матвей Листвянов
Байкал. Книга первая: Жемчужина Сибири

БАЙКАЛ
Книга первая: Жемчужина Сибири

Матвей Листвянов

Содержание

Пролог. Семеро в небе
Глава 1. Тот, кто ждал с фанеркой
Глава 2. Вот оно
Глава 3. Вода, которой нет нигде
Интерлюдия. Федя, который всё знает и ничего не видел
Глава 4. Хозяйка глубин
Глава 5. Рыба-философия. Часть первая
Глава 6. Рыба-философия. Часть вторая
Интерлюдия. Бобёр строит лодку
Глава 7. Остров духов. Часть первая
Глава 8. Остров духов. Часть вторая
Глава 9. Байкал в опасности. Часть первая
Глава 10. Байкал в опасности. Часть вторая
Глава 11. До свидания, Байкал

Пролог. Семеро в небе

— Жирафик, убери шею из моего иллюминатора, — сказала зебра, ткнув копытом в тощий бок соседа. — Из-за тебя я вижу только твой кадык.

Жора вздрогнул и вжал голову в плечи — привычка, выработанная за двадцать два года жизни в мире, который строили явно не под его рост. Шея всё равно торчала в проход между рядами, и стюардесса-цапля уже третий раз аккуратно огибала её с тележкой напитков, каждый раз одинаково невозмутимо.

— Прости, Зара. Я хотел посмотреть на облака снизу.

— Облака снизу выглядят точно так же, как облака сбоку. Разница только в том, что мне теперь видно их через твою шею.

Через два ряда панда Бао методично отмечал что-то в блокноте, не поднимая головы, а на подносе перед ним остывал термос с зелёным чаем, к которому он так и не притронулся с самого взлёта.

— По статистике, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, — жирафы занимают в среднем на двадцать три процента больше вертикального пространства, чем предусмотрено стандартной компоновкой салона. Это не жалоба. Просто наблюдение.

— Спасибо, профессор, — буркнул Жора и попытался

стать ещё немного меньше, что физически было невозможно.

Симба сидел у прохода в третьем шарфе за последний час — снял два предыдущих, потому что в самолёте оказалось теплее, чем он рассчитывал, а третий надел, потому что стюардесса упомянула слово «Сибирь», и лев решил не рисковать.

— Я читал, — сказал он, ни к кому не обращаясь, но достаточно громко, чтобы услышал весь ряд, — что там минус сорок. Зимой. Летом, наверное, полегче. Градусов пятнадцать?

— Сейчас июль, — заметила Зара.

— Именно об этом я и говорю. Пятнадцать — это терпимо.

Раджа, сидевший в позе, для которой в самолётном кресле явно не хватало места, но которую он всё равно как-то удерживал, приоткрыл один глаз.

— Холод — это только температура. Страх перед холодом — это решение, которое можно принять или не принять.

— Легко тебе говорить, у тебя шуба на весь год.

— У меня рисунок на шубе, Симба. Не шуба греет — греет отношение к погоде.

Симба фыркнул и всё же перекинул третий шарф через плечо на манер тоги, чем остался, судя по выражению морды, вполне доволен собой.

Через ряд позади что-то громко хрустнуло, потом ещё раз,

а затем раздалось предвкушающее чавканье — Элли пробовала все три вида орешков, выданных на подносе, одновременно, чтобы, как она объяснила соседке-фламинго, «сравнить текстуру». Пакетик с солёными выскользнул у неё из хобота и упал точно в проход, где его тут же подхватила обезьяна с тремя камерами на шее, крутившаяся между рядами уже минут двадцать под тем предлогом, что искала «идеальный ракурс на закат в иллюминаторе».

— Это тоже в сторис! — воскликнула Мими, наведя одну из камер на упавший пакетик, а вторую — на смущённое лицо Элли. — Обезьяна ловит орешки в свободном падении, ни один не разбился! Подписчики обожают такое!

— У обезьяны и слонихи разное представление о том, что достойно попадания в сторис, — сухо заметил Бао, не поднимая головы от блокнота.

— У обезьяны есть подписка на три миллиона человек, которые со мной не согласны, профессор.

Элли захохотала так, что содрогнулось спинка переднего кресла, где сидел ни о чём не подозревающий Бао, и термос с чаем наконец опрокинулся сам собой, без всякого участия слонихи.

Все семеро летели вместе меньше суток, а познакомились ещё позавчера, в общем чате туристической группы, где организатор написал только: «Байкал. Самое глубокое озеро на Земле. Прилетаем — дальше нас встретят». Ни один из них толком не представлял, что это значит на практике, но у

каждого была своя версия ожиданий: Мими ждала контента, Бао — данных, Симба — сравнения с саванной не в пользу саванны (тайно надеялся на противоположное), Раджа — духовного опыта, Зара — материала для разгромной статьи, Элли — новой кухни, а Жора — просто места, где хоть иногда можно не сутулиться.

Бао, наконец убедившись, что термос безнадёжно опустел, повернулся к зебре, сидевшей у окна через проход.

— Ты упомянула статью, — сказал он. — Для какого издания?

— Найробийская сеть журналов-расследований, — сказала Зара, не отрываясь от блокнота, где уже был выведен крупными буквами заголовок «Байкал: переоценённое чудо или реальное?». — Меня отправили сюда именно потому, что я не верю рекламным обещаниям. Три года назад я разоблачила курорт на Занзибаре, который на фотографиях выглядел райским островом, а на деле оказался пляжем с одним пальмовым деревом и ценами, как в самом дорогом отеле Парижа.

— И ты подозреваешь, что с Байкалом получится похожая история?

— Я подозреваю всё, пока не увижу своими глазами, — сказала Зара. — «Самое глубокое озеро в мире» звучит как заголовок из туристического буклета. Такие заголовки обычно пишут для того, чтобы продать билеты, а не для того, чтобы сказать правду.

— Здоровый скептицизм, — заметил Бао уважительно. — Моя профессия построена на том же принципе, только применительно к данным, а не к рекламным брошюрам.

— Значит, мы можем стать хорошей командой, профессор. Ты проверяешь цифры. Я проверяю, не врут ли цифры специально.

Раджа, до этого молчавший с прикрытыми глазами, вдруг тихо усмехнулся.

— Интересно, — сказал он, не открывая глаз, — что двое самых недоверчивых участников этой поездки сидят рядом и уже строят союз против озера, которое даже не успели увидеть.

— Не против озера, — поправила Зара. — Против того, чтобы нас обманули насчёт озера. Это разные вещи.

— Возможно, — сказал Раджа. — А возможно, для самого озера разница невелика.

В хвосте салона, куда, впрочем, было слышно почти всё, что говорилось в передних рядах, Элли безуспешно пыталась уговорить стюардессу-цаплю принести четвёртую порцию обеда, аргументируя это тем, что «слонихе положена скидка на объём, это просто справедливо». Стюардесса, не привыкшая к подобным переговорам, в итоге сдалась и принесла запасной поднос, оставленный для экипажа, чем заслужила от Элли благодарность, звучавшую как торжественная клятва вечной дружбы.

— Ты всегда так ешь? — спросил Жора, наблюдавший за

происходящим с некоторым восхищением.

— Я не ем, — поправила Элли с достоинством. — Я исследую. Разница в подходе, а не в количестве.

— А что, если тебе не понравится байкальская еда?

Элли посмотрела на него с искренним удивлением, будто вопрос был лишён всякого смысла.

— Мне нравится вся еда, — сказала она просто. — Некоторая — сразу. Некоторая — после третьей попытки. Но нелюбимой еды я пока не встречала, а мне пятьдесят два года, так что выборка достаточно большая для научного вывода.

— Согласен с методологией, — заметил Бао, продолжая писать в блокноте, но явно вслушиваясь в каждое слово разговора.

Раджа, до этого снова прикрывший глаза, вдруг заговорил вслух — казалось, просто с воздухом, а не с кем-то конкретно:

— Любопытно наблюдать, как разные звери готовятся к одному и тому же путешествию: один запасается едой, другой — данными, третий — шарфами. Интересно, что понадобится нам всем на самом деле.

— Надеюсь, не шарфы Симбы, — фыркнула Зара. — Их одних хватит на всю группу до конца зимы.

— Не смейся, — отозвался Симба из-под третьего шарфа, не открывая глаз. — Однажды вы все меня об этом попросите.

— Уважаемые пассажиры, — раздался ровный голос из динамиков, — идём на снижение. Через двадцать минут приземляемся в аэропорту Иркутска.

Все головы, кроме головы Раджи, который то ли спал, то ли медитировал с открытыми глазами, — синхронно повернулись к окнам.

Первым, что они увидели, была не земля, а зелень — бескрайняя, без единого просвета, тянущаяся во все стороны горизонта, будто кто-то вылил на карту целое море краски и забыл остановиться.

— Это лес? — спросила Зара, и в её голосе, против обычного, не было ни капли сарказма.

— Это тайга, — ответил Бао, наконец захлопнув блокнот. — Судя по площади, это, вероятно, крупнейший непрерывный лесной массив, который любой из нас видел вживую.

— Она никогда не заканчивается, — прошептала Элли, прижав хобот к иллюминатору.

Жора, наконец воспользовавшийся тем, что шея больше никому не мешала, вытянулся насколько мог и прижался к стеклу иллюминатора рядом с Зарой, разглядывая тайгу с почти детским восторгом.

— Впервые в жизни моя шея видит то же самое, что видят все остальные, — заметил он. — Обычно я вижу только то, что происходит выше уровня чужих голов.

— И как впечатления? — спросила Зара.

— Она правда никогда не заканчивается, — повторил он

слова Элли, будто присоединяясь к общему хору восхищения. — Даже мне, с моей высотой, не видно края.

Бао, вооружившись блокнотом, попытался прикинуть площадь увиденного по скорости и времени полёта, но, не досчитав до конца, вдруг остановился и просто закрыл блокнот, признав, кажется, впервые за весь полёт, что не всякое явление обязательно нуждается в точной цифре, чтобы произвести впечатление.

Самолёт качнулся, заходя на разворот, и в просвете между облаками мелькнуло что-то ещё — серебристо-синее, огромное, изогнутое дугой вдоль горизонта, настолько большое, что сперва никто из них не понял, что это вода.

— Это море? — спросил Жора, наконец забыв про свою шею.

— Мы летим над Сибирью, — сказала Зара. — Здесь нет моря.

— Тогда что это?

Никто не ответил. Самолёт снова качнулся, облако закрыло вид, и синяя полоса пропала так же быстро, как появилась — но все семеро, даже Раджа, который, оказывается, всё это время смотрел одним глазом, продолжали глядеть в ту сторону ещё долго после того, как там осталось только небо.

— Это, — сказал наконец Симба тише, чем говорил весь полёт, — было не похоже ни на что в саванне.

Никто не стал с ним спорить.

* * *

Глава 1. Тот, кто ждал с фанеркой

Аэропорт Иркутска встретил их запахом керосина, объявлением на двух языках и — прямо у выхода из зоны получения багажа — лосем, держащим кусок картона, на котором крупными неровными буквами было написано: «ГРУППА №7. БАЙКАЛ».

Прежде чем дойти до этой картонки, впрочем, пришлось пережить багажную ленту — Элли привезла с собой четыре чемодана, включая один, набитый исключительно кулинарными специями, которые, по её словам, «может, и не понадобятся, но лучше иметь под рукой», а Симба долго и придирчиво разглядывал каждый похожий на его собственный чемодан, прежде чем признать, что все они выглядят одинаково скучно и придётся довериться бирке. Бао, напротив, вычислил свой чемодан ещё до того, как тот появился на ленте, — по одному лишь звуку колёсиков, который, по его словам, отличался от остальных на слух ровно на «не поддающуюся словесному описанию долю герца».

— Ты серьёзно определил чемодан по звуку? — не поверила Зара.

— Тридцать восемь лет наблюдений развивают слух не хуже, чем зрение, — ответил Бао с достоинством, забирая с ленты именно тот чемодан, который назвал.

Лось был крупный, седой на морде, в клетчатой рубаш-

ке лесника и тёплом жилете, несмотря на июльскую жару за стеклянными дверями. Он не улыбался — просто стоял, опустив картонку ровно на уровень глаз, и наблюдал, как из толпы прилетевших выделяются один за другим самые неожиданные пассажиры, каких иркутский аэропорт видел, вероятно, впервые.

— Степан, — сказал он, когда все семеро наконец собрались перед ним, и протянул копыто каждому по очереди, называя имена по списку, который держал в другом копыте. — Мими. Бао. Симба. Раджа. Зара. Элли. И...

Он поднял голову. И ещё выше. И только тогда увидел Жору целиком.

— ...жираф, — закончил он без всякого удивления в голосе, будто жирафы прилетали в Иркутск каждую неделю. — Автобус там. Дверь пониже, чем хотелось бы. Придётся подумать.

Дверь оказалась именно такой, о какой предупреждал Степан. Жора попытался пройти боком, потом пригнувшись, потом боком и пригнувшись одновременно — и в итоге застрял ровно посередине, с шеей, торчащей наружу, и туловищем, застывшим внутри терминала.

— Простите, — сказал он в пустоту перед собой голосом человека, для которого это, судя по всему, было не первое подобное происшествие в жизни. — Я сейчас.

— Не сейчас, — заметил Симба, стоявший позади с чемоданом. — Прямо сейчас ты — затор.

— Присядь, — коротко сказал Степан.

— Куда?

— Не совсем присядь. Согни колени. Голову вбок. Так, как утка проходит под низкой веткой.

Жора послушался, представил себя уткой, что само по себе рассмешило Мими до слёз, и с третьей попытки протиснулся наружу, чудом не оставив на косяке ни клочка шерсти.

— Спасибо, — выдохнул он.

— Не последний раз, — сказал Степан без всякого злорадства, просто как факт. — В Сибири низкие двери. Привыкай сгибать колени раньше, чем ударишься головой.

Автобус, который их ждал, оказался старым, пахнущим бензином и сосновой хвоей одновременно — судя по всему, от освежителя воздуха в форме шишки, свисавшего с зеркала заднего вида. Дорога от аэропорта сразу пошла через город, а затем город кончился быстрее, чем кто-либо ожидал, и вокруг снова была тайга — та самая, что они видели сверху, только теперь она обступала дорогу с обеих сторон, высокая, тёмно-зелёная, пахнущая смолой даже через закрытые окна.

— Сколько нам ехать? — спросила Зара, уже открывшая блокнот на первой странице.

— Часа четыре, — сказал Степан. — Может, пять, если встретим стадо на дороге.

— Стадо чего?

— Коров. Или лошадей. Здесь никто не торопится, включая скот.

Симба, до этого дремавший под тремя шарфами, приоткрыл один глаз.

— Четыре часа? Через лес?

— Через тайгу, — поправил Степан. — Лес — это когда деревьев много. Тайга — это когда деревьев больше, чем ты можешь себе представить, а потом ещё немного.

— И тут никто не живёт?

— Живут. Просто редко. Раз в час — деревня. Раз в деревню — магазин. Раз в магазин — что-нибудь нужное вам.

Бао, до этого молча смотревший в окно, наконец достал блокнот.

— Какая плотность населения в этом регионе?

— Меньше двух на квадратный километр, — ответил Степан без паузы, чем удивил панду больше, чем сама цифра. — Я двадцать лет вожу учёных вроде вас. Запомнил самые частые вопросы.

Автобус вдруг слегка притормозил — на дорогу, никуда не торопясь, вышло семейство косуль: мать и два подростка, замерших посреди полосы и разглядывающих автобус спокойно и неодобрительно — точно надоедливую муху, а не единственный транспорт на дороге.

— Ух ты, — прошептал Жора, вжавшись в стекло. — Настоящие косули.

— Обычное дело, — сказал Степан, останавливая автобус полностью и терпеливо ожидая. — Дороги здесь принадлежат им не меньше, чем нам. Кто первым вышел — тот и

главный.

Косули не спешили — постояли ещё секунд десять, глядя прямо на лобовое стекло, а затем так же неторопливо, как появились, скрылись обратно в чаще.

— В саванне животные бегут от машин, — заметил Симба задумчиво. — Здесь они просто... не обращают внимания.

— Здесь машины реже, чем животные, — сказал Степан. — Так что правила диктует большинство.

— А самый частый вопрос — какой?

Степан на секунду задумался, глядя на дорогу.

— «Далеко ли ещё?» — сказал он. — Обычно его задают через час. Потом ещё раз через два часа. Потом перестают спрашивать и просто смотрят в окно. Вот тогда и начинается настоящее путешествие.

Ровно через два часа автобус остановился у деревянного магазина с покосившейся крышей и вывеской «ПРОДУКТЫ», написанной от руки прямо на доске. Степан объявил пятиминутную остановку — «размять ноги, у кого они есть, и купить воды, у кого её не хватает» — и первым вышел, привычно пригнувшись под низкой притолокой входа.

За прилавком стояла старая бурундучиха в переднике, оглядевшая семерых гостей с тем же спокойствием, с каким смотрела, вероятно, на всех приезжих последние тридцать лет.

— Туристы, — сказала она не как вопрос, а как диагноз. — Печенье «Юбилейное» или пряники?

— А есть что-нибудь местное? — спросила Элли, уже разглядывая полки в поисках чего-то более экзотического, чем печенье.

— Кедровые орешки. Свои, с прошлой осени. И варенье из чёрной смородины, банка большая, банка маленькая.

Элли купила обе банки варенья, пакет кедровых орешков и, для верности, ещё пряников — «на пробу, я же должна попробовать всё местное, это моя профессия». Симба, разглядывавший полку с консервами с явным недоверием, тихо спросил у Степана, не найдётся ли здесь чего-нибудь «более цивилизованного», на что бурундучиха, не оборачиваясь, ответила, что цивилизация закончилась в тридцати километрах позади них, вместе с последним светофором, и это, по её мнению, была лучшая новость за весь день.

Мими, разумеется, сняла всё это на камеру, включая крупный план кедровых шишек, разложенных у входа сушиться на солнце, и выложила короткий ролик прямо там, у магазина, пока был сигнал сотовой связи — по её словам, последний нормальный сигнал на ближайшие несколько дней.

Автобус тронулся дальше уже с пакетом кедровых орешков, который Элли по кругу передавала всем желающим, и с новым, немного более спокойным настроением в салоне — как будто маленькая деревянная лавка с бурундучихой за прилавком сделала Сибирь чуть менее абстрактной и чуть более настоящей.

Элли, до того тихо жевавшая захваченные из самолёта

орешки, вдруг подалась вперёд между сиденьями.

— А готовят здесь что? Ну, местную кухню?

— Уху, — сказал Степан. — Омуля. Дичь, если сезон. Бузы — это по-бурятски, паровые такие мешочки с мясом, похоже на манты, только лучше. Не говори этого Медведю, он готовит уху и обидится, если узнает, что я хвалил бузы первыми.

— Кто такой Медведь?

— Узнаете в ближайшие дни. Он вас накормит рыбой, о которой вы будете вспоминать до конца жизни.

Раджа, который до этого молчал почти всю поездку, приоткрыл глаза и посмотрел в окно, где тайга наконец начала редеть — постепенно, будто лес сам, не спрашивая ни у кого разрешения, решил расступиться перед чем-то более важным, чем он сам.

— Что там, за деревьями? — спросил он тихо, скорее у самого себя, чем у кого-то из соседей.

Степан не ответил сразу. Он просто прибавил скорости.

— Скоро сами увидите, — сказал он наконец. — Минут двадцать.

Автобус замолчал — впервые за всю поездку разговоры стихли сами собой, без чьей-либо просьбы. Даже Мими опустила камеру.

* * *

Глава 2. Вот оно

Дорога сделала последний поворот вокруг сопки, деревья расступились окончательно, и Степан остановил автобус посреди дороги, хотя в расписании такой остановки не было, — как он объяснил позже, «первый раз надо смотреть стоя, а не проезжая мимо на скорости шестьдесят».

Открылась дверь. Все семеро вышли один за другим на обочину гравийной дороги, и никто из них ещё не произнёс ни звука.

Байкал открылся перед ними целиком, без предупреждения — не полоска на горизонте, как показалось из самолёта, а стена воды, поднимающаяся от берега и уходящая так далеко, что противоположный берег, если он и существовал, тонул в дымке, неотличимой от неба. Солнце садилось где-то за сопками на другой стороне, и вода горела оранжевым, потом розовым, потом почти фиолетовым у самого горизонта — все эти цвета одновременно, слоями, как будто озеро решило показать сразу весь набор красок, какие у него есть.

Ветер с воды был прохладным, пах мокрым камнем и чем-то неуловимо древним, а где-то у берега, невидимая в сумерках, кричала одинокая чайка — редко, будто напоминая, что здесь, кроме семерых застывших туристов, есть и другая жизнь, которой их присутствие совершенно не мешало. Волны, маленькие, почти незаметные, накатывали на камни с ти-

хим, ровным звуком, который, казалось, звучал здесь всегда, задолго до того, как кто-либо из присутствующих родился, и будет звучать ещё очень долго после.

Мими так и не поднесла камеру к глазам — руки, обычно сами тянувшиеся к объективу, в этот раз остались неподвижны.

Симба стянул шарф — дело было не в жаре, просто вдруг показалось неуместным стоять в шарфе перед чем-то настолько огромным.

Раджа закрыл глаза, хотя всего секунду назад смотрел на воду внимательнее всех.

Элли плакала — без всякого стеснения, просто текли слёзы, и она их не утирала.

Жора стоял, наконец не сгибая шею ни в одну сторону, и в этот момент его рост, обычно доставлявший столько хлопот, оказался кстати: он видел дальше и выше всех остальных, до самого места, где вода встречалась с последним лучом солнца.

— Вот оно, — сказал Степан. Больше он ничего не добавил.

Молчание продержалось долго — дольше, чем кто-либо из семерых мог бы вытерпеть где-то ещё. Наконец Зара, стоявшая с блокнотом подмышкой, вдруг обнаружила, что забыла раскрыть его на нужной странице.

— Я планировала написать первую строчку статьи прямо здесь, — сказала она тихо. — «Байкал: переоценённое чудо

или реальное?» У меня даже заголовок был готов заранее.

— И как теперь? — спросил Бао.

— Теперь я не знаю, с чего начать.

Бао молчал ещё дольше, чем обычно молчал перед тем, как высказать научное наблюдение, а когда наконец заговорил, голос его звучал непривычно тихо.

— Я видел фотографии Байкала десятки раз, — сказал он. — В учебниках, в статьях, на конференциях. Ни одна из них даже близко не передавала вот этого. — Он неопределённо повёл лапой в сторону воды. — Возможно, некоторые вещи специально устроены так, чтобы фотография никогда не была достаточной причиной остаться дома.

— Может, это тоже часть научного метода, — тихо заметил Раджа, не открывая глаз. — Некоторые данные собираются только личным присутствием.

Даже Симба, обычно готовый сравнить любую красоту с чем-то, что видел в саванне, на этот раз промолчал — и это молчание сказало больше, чем сказала бы любая из его обычных фраз.

До турбазы оставалось ещё двадцать минут по берегу — деревянные домики, вкопанные в склон над самой водой, дым из печной трубы главного дома и лай, ещё не видимой, но явно приближающейся собаки. На крыльце их встретила лиса в льняном фартуке, надетом поверх стильного свитера, с полотенцем через плечо и выражением лица человека, который принимал гостей всех форм и размеров и давно пере-

стал удивляться заранее.

— Аля, — представилась она, оглядывая делегацию сверху вниз, вернее, снизу вверх, когда дошла до Жоры. — У меня для вас три новости: хорошая, хорошая и хорошая. Комнаты готовы, ужин через час, и да, жираф, для тебя я заранее убрала верхнюю полку в шкафу — она тебе не нужна, а вот низкая дверь в баню всё-таки осталась низкой. Прости, бюджет турбазы не резиновый.

— Спасибо за честность, — сказал Жора и улыбнулся — просто, без всякой натянутости, которая преследовала его весь день.

Из-за угла дома выскочил заяц — молодой, белый, в капюшоне с байкальским принтом, и с двумя рюкзаками сразу под мышками, будто нёс их вовсе не по обязанности — просто не хотел упускать возможность оказаться рядом с гостями хоть на минуту дольше.

— Я Федя! — выпалил он, чуть не запнувшись о собственные уши. — Помогаю на турбазе. Багаж туда, вон в те два домика — туристы в один, местные... то есть, — он смущённо замолчал, поняв, что сказал что-то не то, но так и не придумав, как исправить.

— Всё в порядке, Федя, — сказала Аля, забирая у него один из рюкзаков. — Мы и есть местные. Они и есть туристы. Ничего обидного тут нет.

Федя всё равно покраснел под белой шерстью так, что это было заметно даже в сумерках, и поспешил унести остав-

шийся багаж, стараясь не смотреть в сторону Мими дольше двух секунд подряд.

Ужин подали на общей террасе, у самой воды, при свете фонарей на батарейках и одной свечи в банке от огурцов, которую Аля упорно называла «атмосферным освещением». Разговор за столом крутился вокруг одного и того же вопроса, который каждый задавал по-своему.

— Сколько в нём воды? — спросила Элли, накладывая себе четвёртую порцию ухи.

— Пятая часть всей незамёрзшей пресной воды на планете, — ответил подошедший к столу Степан, ставя перед гостями хлеб. — Если бы вдруг разом высохли все остальные озёра и реки Земли — а такое, конечно, невозможно — люди могли бы пить только из Байкала ещё лет пятьсот, и он не закончился бы.

— Это... очень много воды, — пробормотал Симба, глядя на кружку в своих лапах с новым уважением.

— А глубина? — спросил Бао, который уже успел достать блокнот прямо за столом.

— Тысяча шестьсот сорок два метра, — сказал Степан, не задумываясь ни секунды. — Самое глубокое озеро на планете. Если положить Эйфелеву башню на дно, верхушка не дотянется до поверхности воды примерно на тысяча триста метров.

Жора присвистнул — точнее, попытался присвистнуть, но у жирафов это плохо получается, и звук вышел похожим

на слабый писк, чем немедленно развеселил всю компанию, включая его самого.

— А берег? — спросила Зара. — Насколько он длинный?

— Около двух тысяч километров, — сказал Степан. — Пройди его пешком по прямой, без остановок, тебе понадобится месяца три. Мы не советуем. Медведи не всегда рады компании.

— Настоящие медведи? — спросил Симба с некоторым беспокойством.

— Настоящие. Не тот Медведь, с которым вы познакомитесь завтра. Тот вполне мирный, если не трогать его коптильню без спроса.

— А сколько лет самому озеру? — спросил Бао, отложив в сторону кусок хлеба, будто вопрос был важнее еды.

— Двадцать пять миллионов, — сказал Степан. — Самое старое озеро на планете. Большинство озёр в мире появились после последнего оледенения — им максимум двадцать тысяч лет, это для озера почти младенчество. Байкал был здесь ещё тогда, когда динозавры уже давно исчезли, а горы, которые вы видите сегодня на закате, ещё не выросли из-под земли.

— Двадцать пять миллионов лет, — повторила Элли с набитым ртом, отчего фраза прозвучала не так торжественно, как хотелось бы. — И за это время никто его не испортил?

— Пытались, — сказал Степан спокойно. — Об этом я расскажу в другой день, не за ужином. А в тысяча девять-

сот девяносто шестом году весь мир признал, что портить его больше нельзя: Байкал внесли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО — вместе с Великой Китайской стеной и пирамидами Гизы, если вам нужно понимать масштаб важности.

— Вот это компания, — заметил Симба уважительно. — Пирамиды, стена и... вода.

— Вода, которая старше пирамид на двадцать четыре миллиона девятьсот с лишним тысяч лет, — уточнил Бао, уже подсчитавший разницу в блокноте. — Пирамидам не мешало бы проявить немного больше уважения к соседке по списку.

— А сколько людей — то есть зверей — здесь живёт? — спросила Зара, не желавшая упускать возможность собрать побольше данных для статьи, пока Степан был в настроении отвечать.

— На берегах Байкала — тысячи, если считать все посёлки и станции вместе, — сказал Степан. — Немного для такого огромного озера. Большая часть берега вообще необитаема — только тайга, скалы и звери, которые устраивают в этой тайге свою жизнь без единого зрителя.

— Значит, всё это, — Раджа обвёл лапой темнеющую воду, — существует не для того, чтобы кто-то на это смотрел.

— Существовало задолго до того, как здесь появился хоть один зритель, — согласился Степан. — И, подозреваю, останется ещё долго после того, как последний зритель уйдёт.

Мы здесь гости, а не хозяева, что бы там ни думали строители того завода, о котором я упомяну позже.

Свеча в банке от огурцов почти догорела, но никто не спешил вставать из-за стола. За водой, там, где ещё час назад садилось солнце, начинали проступать первые звёзды — так ярко и так быстро, как ни в одном городе, где кто-либо из них жил раньше.

— Знаете, — сказала наконец Мими тихо, впервые за вечер не поднимая камеру, — я сняла сегодня меньше кадров, чем за любой другой день путешествия. И мне почему-то совсем не жалко.

Никто не стал шутить над этим. Каждый по-своему чувствовал то же самое.

* * *

Глава 3. Вода, которой нет нигде

Утро началось с того, что Бао уже стоял на деревянном пирсе турбазы в одних плавках, с маской для подводного плавания, сдвинутой на лоб, и с блокнотом, который держал так далеко от воды, как позволяли его короткие лапы.

— Профессор экологии в плавках, — заметила Зара, подходя с чашкой чая. — Это будет отличный кадр для моей статьи.

— Это будет отличный эксперимент, — поправил Бао, не отвлекаясь от процедуры пристёгивания маски. — Профессор Глафира обещала подойти и объяснить показания прозрачности до того, как я начну проверять их лично.

Профессор Сова появилась минутой позже — грузная сова в круглых очках и белом халате с карманами, набитыми блокнотами, спустившаяся по деревянной лестнице с той методичностью, с какой она делала абсолютно всё.

— Здравствуйте, — сказала она, не тратя времени на долгие приветствия. — Прежде чем вы прыгнете в воду, доктор Бао, один момент. Люди — и звери — обычно спрашивают: «Байкал чистый?» Это неправильный вопрос. Правильный вопрос: «Насколько именно?»

— Простите, — не удержалась Зара, — а вас вообще как зовут? Или «профессор Сова» — это и имя, и фамилия сразу?

— Глафира, — коротко ответила она, не отрываясь от карманов халата. — Но за сорок лет здесь ко мне ни разу не обратились по имени больше одного раза подряд — все быстро сбиваются обратно на «профессора Сову», и, по правде говоря, мне так даже удобнее. Меньше слогов — больше времени на науку.

Она достала из кармана прозрачный диск на длинной верёвке — белый круг размером с блюдце — и опустила его за борт причаленной лодки Медведя, подошедшего специально для демонстрации со своим неизменным ведром рыбы под мышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.